

Часть первая

ДОРОГА К ДОМУ

*Посвящаю тем,
у кого мертвые глаза,
но живые сердца.*

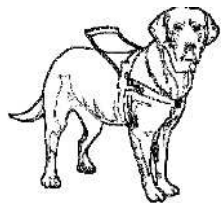
Лучшее, что есть у человека,
— это собака.

Т. Шарле

Глава 1

Как собак нерезанных... Очень остроумно. Ни сесть, ни встать. Ай да молодцы. Ай да люди. Интересно, что бы вы сказали, если бы мы ввели в свою собачью речь подобный фразеологизм, но вывернутый наизнанку? Вот представьте такую ситуацию: приезжаю я домой с выставки, а соседский пес у меня спрашивает: «Как успехи, дорогой? Много ли участвовало собак?» А я ему отвечаю: «Да как людей нестреляных...» Ну и как вам выраженьице? Не думаю, что кому-то понравится. Вот так же и нам, дорогие наши двуногие друзья. Как тут не согласишься, что собака — это наглядный пример человеческой неблагодарности.

Да ладно уж, я в общем-то о другом. Смотрите, что происходит: хватают меня за уши, треплют за шею, суют в морду... Можно я буду говорить «лицо»? Ну так вот, суют

в лицо всякую гадость... Впрочем, не буду кривить душой. Не гадость, далеко не гадость! Суют зачастую такую вкуснятину, что слюной можно поперхнуться. Однажды я чуть было не сорвался.

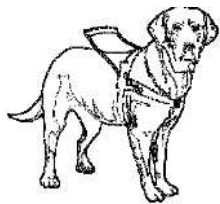
Стоим еще с моим первым подопечным Иваном Савельевичем (царство ему небесное) перед пешеходным переходом, ждем, когда загорится зеленый свет. Моя задача: проследить, чтобы все машины остановились. Да не просто остановились, а в положенном месте. Вы думаете, зря для вас, людей, рисуют полосы перед светофором? Пользуясь случаем, прошу вас: товарищи водители, не заезжайте за эту полосу. Зрячему человеку проще, он обогнул капот автомобиля и пошел дальше. А мой подопечный не сразу может и понять, что я от него хочу, — вроде же пошли по переходу, а тут поводырь тянет человека в сторону. Понимаете? Сказать — то я не могу, начинаю скулить, тянуть поводок, даже иногда гавкнуть приходится. Подопечный мой теряет, останавливается, чтобы сообразить, что это я вдруг такое вытворяю, тросточкой стук-стук-стук. Некоторые водители едва через окно не выскакивают, орут: машину поцарапаешь, гад! А какой же он гад? Ему же нужно как-то определиться, что перед ним. Тут рукой не пощупаешь — можно такое нащупать, что и без руки останешься.

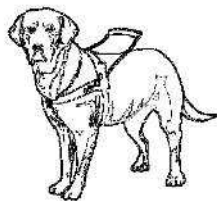
В общем, пока разберется, тут свето-

фор уже моргает, машины начинают порывывать (к старту готовятся). Когда нетерпеливые водители давят на газ, это еще полбеды. А есть такие идиоты, что еще и сигналить начинают, дескать, давай-давай, слепошарый, проходи скорее. Или мне свистят, чмокают, типа подбадривают. Если бы вы знали, люди, как я в такие моменты вас недолюбиваю. Иногда смотришь на вас и думаешь: да как же вам не стыдно-то? Ведь такая беда может со всяким случиться. Неужели, выиграв пару секунд на этом проклятом светофоре, вы получите удовольствие? Очень вас прошу, люди: увидев слепого с поводырем (ну, с таким, как я), ведите себя как можно спокойнее и тише, не отвлекайте нас с человеком, не доводите до беды. Договорились?

Ну так вот, стоим перед «зеброй», и тут я правой ноздрей чую умопомрачительный запах. Запах, знакомый до боли в желудке, — я уже слышал его, когда проходили мимо киоска с надписью «Куры гриль. Шаурма». Стараясь не отвлекаться от дороги, кошу глазом и вижу такой смачный кусок курочки, поджаристый, золотистый, ароматный... До сих пор не знаю, как я в тот момент сдержался и не схватил этот деликатес. Все-таки школа для собак многое значит.

Спасибо, конечно, вам за добро, за ласку, за желание угостить, но, люди, я же

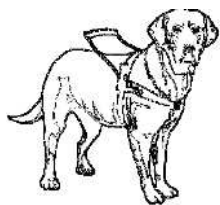

на работе! Понимаете? Я — не та изнеженная болонка или пуделек, которые беззаботно гуляют со своими хозяевами, от скуки побрызгивая на столбики. Я работаю. Seriously говорю: я не просто иду со слепым человеком, я тружусь. И поверьте, работа у меня не такая уж и легкая. Моя задача довести подопечного туда, куда он запланировал, и чтобы он во время пути не разбил себе голову, не споткнулся, не упал, в конце концов, не промочил в луже ноги. Я обязан предупредить обо всех преградах, должен всегда успеть остановиться перед любым препятствием и дать возможность человеку проверить тростью, что перед ним. Если преграда перекрывает часть дороги, я отклоняюсь вправо или влево и обвожу подопечного, при этом еще наблюдаю, чтобы он не прошел под низко склонившимися ветками или еще какой другой штуковиной на уровне его роста. В мою задачу также входит, чтобы подопечный не столкнулся с другими людьми. Если мы передвигаемся на автобусе или трамвае, я указываю вход, а потом — выход. В общем, забот хватает.

Вы хоть представляете, что это такое — работать поводырем? Если вы скажете «да», не обижайтесь, я укушу вас. Не надо быть таким самонадеянным и скоропалительным. Не говорите сразу «да». Чтобы представить и понять мою работу, нужно

самому со шлейкой на спине пару лет походить за этими беспомощными «хозяевами». Вы заметили, что я слово «хозяева» беру в кавычки?

Да, некоторые считают себя нашими хозяевами, хотя сами без нас и шага не могут ступить. Вот захочу я (между прочим, породистый лабрадор, даже говорят, родственник собаки одного известного политика), чтобы мой так называемый хозяин расшиб лоб о стену или, допустим, врезался в какой-нибудь столб, да мне это как на куст... пос-с-с-мотреть. Но я же профи, спец, меня в специальной школе обучали два года, а это по-вашему примерно лет десять. Вы за это время успеваете два высших образования получить. Конечно, я не позволю такой гнусности — подставить своего подопечного. Моя задача: уберечь его от всех этих недоразумений. Но обидно, когда говорят: твой хозяин. Те, кого я сопровождаю, не хозяева мне. Это мои друзья. И поверьте, даже из вас, людей, у них никогда не будет друга преданнее и беззаветнее, чем я. Вы можете скривиться, усмехнуться, закатить глаза, даже пнуть меня туплей, но от этого ничего не изменится. Вы сами придумали поговорку «Хорошо, когда собака — друг человека, но плохо, когда друг — собака». Придумали, но не подумали, хотя бог наградил вас разумом и способностью размышлять. Что же

плохого в том, что ваш друг собака? Да ладно... Я же понимаю, что вы имели в виду. Потому и не обижаюсь.

В общем, если вам интересна эта история, я продолжу. Мне уже пять лет. По человеческим меркам я в два раза старше своего подопечного (Сашке сейчас тринадцать человеческих лет). А раньше я работал у слепого пенсионера. Иван Савельевич был замечательным человеком и моим другом. Он даже мне иногда разрешал на своей кровати поваляться. Придем домой, Иван Савельевич снимет с меня все эти поводырские прибабасы, покормит, расчесет и говорит:

— Давай, Трисон, расслабляйся.

Вы думаете, мне легко ходить с этой шлейкой? Вечером, когда я от нее избавляюсь, так хочется на спинке поваляться, лапы задрать к потолку, вытянуться во весь рост, потом попрыгать, мячик погонять. Иван Савельевич никогда меня не ругал, даже в тот злополучный вечер, когда я разбил вазу. Понимал старик, что не нарочно. Мне было стыдно. Прижался к его ноге и потихонечку скулю. Иван Савельевич гладит меня и говорит:

— Не плачь, Трисон, бог с ней, с этой посудинкой. Посуда бьется — жди удач.

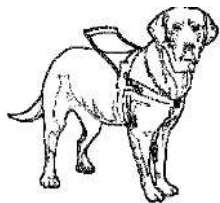
Я до сих пор так и не понял, какая удача может быть от разбитой вазы? Пока не слышал, чтобы по телевизору об этом рас-

сказывали. В общем, умер мой Иван Савельевич. Он умер, а меня вернули в школу. Как я по нему скучал. Кусок в горло не лез. Все думал, кому же меня теперь отдадут...

Не знаю, какими путями, какими судьбами, но как-то в нашу школу приехал Сашка, нынешний мой хоз... подопечный.

Если вы зрячий и никогда не сталкивались с проблемами слепых людей, то поясну нарочно для вас. Прежде чем нас (собак-поводырей) передать новому хо... (тьфу, черт, надо же, как внушили своими дрессировками) подопечному, мы должны провести какое-то время вместе. То есть привыкнуть друг к дружке, принюхаться, приглядеться. Хотя кто будет ко мне приглядываться, если они все слепые? Это я должен приглядеться. А они только прислушиваются, принюхиваются, ну и еще прищупываются. На всякий случай, чтобы аллергии не было какой-нибудь или еще какой гадости. У людей много всяких заскоков. Это мы непрехотливые.

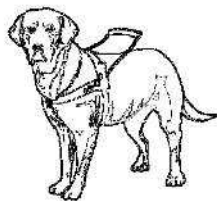
Хотя случается, что и мы тоже взбрыкиваем. Да-да. Наша овчарка Лада из седьмого вольера так и не смогла найти общий язык со своей новой подопечной. Женщина вернула собаку обратно в школу. Кстати, отличная школа поводырей. Так что, если понадобится, обращайтесь. Меня, конечно, там уже нет, но мои друзья и подруги вас, поверьте, не подведут. Вы знаете, как нас

там проверяют? О-го-го! Тесты всякие, испытания...

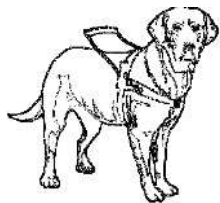
Иными словами, кого попало туда не берут. Мы — студенты этого университета — все обладаем уравновешенной психикой, не обращаем (во всяком случае, стараемся изо всех сил) внимания на посторонние шумы, совершенно не замечаем этих отвратительных котов и кошек. Нет, мы-то их, конечно, замечаем (как можно не заметить?), но я имею в виду — не обращаем на них внимания. Опять неправильно. И внимание мы на них обращаем. Но мы не имеем права на них реагировать, чем эти зеленоглазые твари часто пользуются. Серьезно.

Вот вам недавний случай. Завожу я своего Сашку в подъезд (там много ступенек, и нужно быть крайне осторожным), в этот момент из двери выходит краля персидских кровей (или шерстей, кому как угодно), вся такая пафосная, с идиотским розовым бантом на шее, коготочки пострижены, хвостик надушен, ушки — словно маленькие локаторы (верть-верть в разные стороны). Вот клянусь вам собачьей честью, у меня и в мыслях не было на нее рычать, тем более гавкать. А эта белобрысая дура как фыркнет, как хвост свой распушит, как спину выгнет, и — хрясь! — меня лапой по мор... по лицу. Если бы вы знали, как мне было обидно. Да если бы не мой Шурик, если бы не мой профессиона-

лизм и не моя ответственность, я бы этой истеричке одним щелчком хвост перекусил. Честное слово, от обиды чуть не заплакал. Пришлось немного вскульнуть — эта доморощенная «баронесса», несмотря на остриженные когти, все-таки умудрилась поцарапать мне нос. Слизнул я солоноватую каплю крови и повел Саню домой. А что делать? Нельзя мне на этих дурочек отвлекаться...

Сашка до моего прихода в дом жил с мамой и бабушкой. Папа у них погиб в автотрагедии. Оказывается, в тот роковой день в машине вместе с отцом ехал и Шурик. Ему тогда было одиннадцать лет. Врачи вынесли приговор: радужка и хрусталик безвозвратно потеряны. Я мало чего понимаю во всех этих тонкостях, но после этой трагедии пацан перестал видеть. В семье поговаривают, что есть какой-то знаменитый доктор, который может вернуть Сашке зрение, но когда это произойдет — никому не известно. А пока я — его и доктор, и глаза, и друг.

Глава 2

С Санькой мы быстро нашли общий язык. Хотя сначала я на него обижался. Чутьочку, совсем немножко. Сами посудите.

Как вы уже поняли, меня зовут Трисон. Когда мы в школе вместе с ним дрессировались, он так меня и называл. Все было нормально. Сашка успешно сдал экзамен. А чему удивляться? Со мной любой новичок сдаст экзамен. Я же не только выполняю команды подопечного, частенько приходится и инициативу проявлять. Уместную, конечно. В пределах разумного.

В общем, все прошло гладко. Приезжаем домой (с нами еще в дороге была Сашкина мама), тут бабушка, Елизавета Максимовна. Она тоже встретила нас приветливо. Имя ее я, кстати, узнал совершенно случайно — сосед приходил и так называл бабулю. Да, кстати, дома ее почему-то все называют бабулей. Я заметил, у людей есть такие странности. Сашка, понятное дело, называет ее так, но и Светлана Сергеевна туда же. Я вот и думаю, какая же она тебе бабуля, если это твоя мама? Вас, людей, иногда сложно понять. Ну да ладно, это неважно.

Так вот, я — Трисон. Вы хоть знаете, что это за имя? О-о! Это вам не Тузик какой-нибудь пятнистый и не Рекс косолапый. Иван Савельевич мне подробно рассказывал о моем имени. Мало того что я и сам породистый пес, так вдобавок ко всему и имя у меня не простое. Так звали когда-то тибетского царя. Трисон Дэцэн, который много-много лет назад пришел к выводу,

что просветление может быть достигнуто только в результате морального и духовного совершенствования под руководством мастера. Без всякого бахвальства заявляю: мастер у меня в школе был безупречным. Вы поняли, к чему я клоню? Нешуточное дело — просветленный лабрадор!

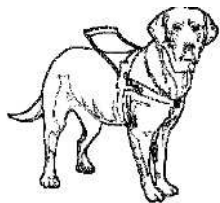
И вдруг ни с того ни с сего Санек начал называть меня Тришей. Я сначала даже не понял, к кому это он обращается. Проснулся рано утром и шарит рукой возле кровати, меня ищет. Но я же не дурак — под ногами лежать. Я разместился у торца кровати, чтобы случайно Сашка на меня ночью не наступил. Я привстал, авкнул тихонько, давая понять, что я здесь. Слышу, а он говорит:

— Три... Триша, ты где? Подойди ко мне, пожалуйста.

Я сижу и думаю, может, игрушку какую ищет? Поглядел по сторонам, ничего похожего на Тришу не вижу. Медведь плюшевый сидит в углу. Так Сашка сам вчера рассказывал, что его Топтыгиным зовут. Где этот чертов Триша? Ничего понять не могу. Сашка посидел-посидел на краешке постели и говорит:

— Трисон!

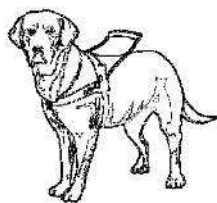
Это уже меня. Подбегаю к нему, тыкаюсь носом в колени. Он гладит меня и снова говорит:

— Тришенька, миленький, ну как тебе спалось на новом месте?

Вон оно что, опешил я, оказывается, Сашка меня Тришей называет. Вот это номер! Какой же я, к черту, Триша тебе? Ты что, Санек? Но самое обидное, что я могу поделывать? Вот как назвал меня Тришей, так с тех пор я и хожу в этих Тришах. Вслед за Санькой и Светлана Сергеевна, и Елизавета Максимовна кличут меня теперь только Тришей. Сначала я места себе не находил. Как скажут «Триша», у меня аж шерсть дыбом вставала, такое имя потерять. Был царем, стал какой-то плюшевой собакой.

Вы бы видели меня. Я не просто палевый пес, не просто желтый, а, можно сказать, золотой. Не верите? Внимательно посмотрите на меня в яркий солнечный день, особенно после того, как я выхожу из душа. Такой красоты вы ни у одной собаки не найдете. Вы лопнули бы от гордости, если бы у вас была такая родословная, как у меня. Моими предками являются собаки викингов и басков, которые обитали на острове Ньюфаундленд. До XVIII века европейцы в глаза не видели никаких лабрадоров. Мы, между прочим, по мнению мореплавателей, всегда считались и считаемся до сих пор залогом счастливого плавания. И если вы думаете, что это заурядное суеверие, то глубоко заблуждаетесь. Мои предки всегда помогали людям.

Если корабль терпел крушение, лабрадоры вытягивали на берег канат, по которому перебирались все люди. А нерасторопных моряков мои предки просто перевозили на себе на сушу.

Отправляясь в плавание, ньюфаундлендские моряки всегда брали с собой пару собак. Моей породы, конечно. И какие были имена! Волна и Прибой! Вы хоть понимаете, что это значит? Волна. Прибой. А тут какой-то занюханый Тришка. Как же обидно, ну как же обидно. Хотя я уже давно смирился. Черт с вами, называйте как хотите.

Однажды какой-то знакомый старичок Ивана Савельевича неправильно назвал его по батюшке: то ли Савичем, то ли Степановичем. Я бы подсказал старику, да сами понимаете... Но смотрю, Иван Савельевич и ухом не ведет. А тот все называет и называет. И вдруг сам знакомый опомнился. Как запричитает:

— Ой, Иван Савельевич, прости, дорогой, — хлоп себя по лбу, — совсем память отшибло.

— Да ничего-ничего, Тимофей Иванович, — говорит мой подопечный, — какая уж нам теперь разница. Хоть горшком называй, только в печь не сажай.

Вспомнил я своего старинного друга и перестал на Сашку обижаться. Тришка так Тришка. Хоть горшком называйте...

